

Из жизни Поля Робсона

Читатели интересуются, как живет и работает Поль Робсон у себя на родине. Об этом Поль Робсон рассказывает в своей автобиографической книге «Мое место здесь». Эта книга недавно вышла в США. Ниже публикуются отдельные отрывки из книги.

* * *

Я негр и живу в Гарлеме — негритянском районе Нью-Йорка.

Улицы, где всегда много моих братьев, наполнены шумом их шагов, их смехом, их взаимными приветствиями. И хотя до Пикскила всего несколько миль и до меня будто доносится лай толпы линчевателей, устрашающие крики из искривленных от ненависти ртов, здесь я ощущаю покой, здесь я — у себя дома.

И как хорошо вернуться сюда, потому что здесь — мой очаг. Все вокруг напоминает о прошлых годах, мечтах молодости. Гарлем после первой мировой войны. Здесь я встретил Эсси; здесь началась дружба, здесь первый раз я поднялся на сцену. Я пел здесь в клубах и кабаре; здесь я волновался на баскетболе... Здесь я жил. Здесь я живу.

* * *

Гордостью моих юношеских лет был отец. И я его любил больше всего на свете. Он был пастором, его уважали и черные и белые. Родившись рабом на одной из плантаций в штате Северная Каролина, он бежал в Северные штаты, когда ему не было и пятнадцати лет. Некоторое время он служил пастором в одном из городков Пенсильвании, а затем в Принстоне, штат Нью-Джерси, где я родился 9 апреля 1898 года. Я был самым маленьким ребенком, пятым по счету, у меня были три брата и сестра.

В богатом городе Принстоне жили преимущественно белые. Негры там имели право лишь на непосильный труд. Аристократия должна иметь слуг, и поэтому люди нашей маленькой негритянской общины нанимались к богатым в прислугу или поварам, служили кельнерами и сторожами в университете, извозчиками в городе, работали на близлежащих фермах.

Принстон был центром расизма. Школа, которую я посещал, была специально для негров, а в гимназию нас не допускали.

...Когда в 17 лет я был на последнем курсе гимназии, я еще не нашел свое призвание. Певцом? Нет, пение было только для веселья. Драматическим артистом? Нет, в голову запаала, хотя и не очень определенно, мысль стать пастором. Это должно было понравиться и моему отцу. Я принял участие в конкурсе на 4-летнюю стипендию в колледже и прошел. Глубоко в моем сердце окрепло убеждение, которое никакие расисты не смогли бы поколебать. Равноправие можно отрицать, но я знал, что я не ниже белых.

* * *

После начала моей карьеры концертного певца и артиста в Соединенных Штатах я в первый раз выехал за границу. Если в настоящее время возможности для негритянских артистов очень ограничены в нашей стране, то тридцать лет назад они были еще менее широкими. После нескольких поездок я решил остаться в Европе и обосноваться в Лондоне. Побуждения и основания для этого были те же что заставляли миллионы негров с юга обосновываться в других частях страны. Здесь я нашел благоприятную и стимулирующую обстановку, в которой чувствовал себя, как дома. И мое университетское образование, полученное в Рутгерс, и мой интерес к академическому учению здесь имели гораздо больший вес, чем в Америке, где счет в банке почитается больше, чем ум и талант, и люди с более широким кругозором часто объявляются «подрывными элементами».

Лондон — центр Британской империи, но именно там я «открыл» Африку. Это «открытие» оказало глубокое воздействие на всю мою жизнь.

В Америке, подобно большинству негров, я мало знал о земле наших делов, но в Англии я познакомился со многими представителями Африки. Некоторые из них теперь всемирно известны: например Нкрума — премьер-министр Ганы. Я провозид долгие часы в разговорах с ними, принимал участие в общественной деятельности союза студентов За-

падной Африки. Постепенно на меня стали смотреть как на близкого человека, гордились моими успехами и даже объявили мою жену и меня почетными членами союза. Я узнал также и моряков-негров из портов Лондона, Ливерпуля, Кардиффа. Они также имели свои организации и много рассказывали мне о своей жизни и о разных народах Африки. Так я познакомился с африканской музыкой и культурой, такой же древней, как культуры Греции и Китая.

* * *

В годы моей жизни на чужбине был свидетелем приближения фашизма. Звуки военной музыки и стук сапог заглушили песни мира и братства. В 1933 году Гитлер пришел к власти в Германии. Хриплые крики «расы господ» знаменовали наступающий ужас. В Италии самозванный диктатор, который носил не тогу, а черную рубашку, стремился создать империю. В 1935 году фашистские легионы Муссолини напали на Эфиопию, и бомбардировщики с танками

одержали победу над мушкетами и копьями.

Затем наступила очередь Испании. Фашистский изменник Франко, подержанный Гитлером и Муссолини, напал на Испанскую Республику. Это была репетиция второй мировой войны.

Каждый артист, каждый ученый должен был решить — где его место. Нельзя было стоять над конфликтом на олимпийской высоте...

Отъезд в Испанию был переломным моментом в моей жизни. В Испании я пел всем сердцем и душой для доблестных бойцов Интернациональной бригады. И какое-то новое, теплое чувство к Америке родилось у меня, когда я увидел людей из батальона «Авраам Линкольн» — тысячи храбрых молодых американцев, которые пересекли океан, чтобы бороться и умереть за то, чтобы «не исчезло на земле еще одно «правительство народа, из народа и для народа».

Сердце мое было полно восхищения и любви к этим белым американцам! Чувство большой гордости охватило меня, когда я увидел, что среди людей бригады «Линкольна» были и негры. Некоторые из них, как например, Оливер Лоус и Милтон Херндон, оказались в числе дорогих потерь, понесенных добровольцами, и были похоронены вместе с их белыми товарищами на испанской земле очень далеко от родины.

Далеко от родины? Да, от Америки, моей родины. От родины погибших храбрецов и их товарищей, моих соотечественников. И я сердцем знал, что обязательно возвращусь туда когда-нибудь.